

Лидия Андреевна Сычёва родилась в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского государственного педагогического института, Литературный институт им. А.М. Горького. Работала корреспондентом «Учительской газеты», обозревателем журнала «Российская Федерация сегодня». Главный редактор журнала «МолОко». Автор нескольких книг прозы, публицистики и литературной критики. Лауреат литературной премии им. П.Л. Проскурина, премии журнала «Москва», Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Лидия Сычёва

ТВОЙ ДЕНЬ

Рассказы

...Мальчик-врач цеплялся за нее — может, ему просто было скучно этой ночью, может, он еще не привык к благоговейному вниманию родственников, а может, он поддался силе ее мольбы; она заплакалась, глаза ее набухли, лихорадочно горели.

Мальчик все говорил и говорил, серьезно, внушительно, она половину не понимала, потому что выпила много валерьянки, отупела и отяжелела от нее, она, когда выходила из дома, бросила в сумку молитвослов, валерьянку и планшетник.

Мальчик был высокий, хорошо сложенный, в голубой врачебной робе и синей шапочке, в белых докторских бахилах с завязочками, у него были большие умные глаза, карие, внимательные, у него были длинные руки с длинными чистыми пальцами (руки он скрестил на груди), у него был четкий, с хорошей дикцией, голос. Было два часа ночи, но мальчик — дежурный врач — был свеж, полон сил и здоровья. Она смотрела в его глаза, она кивала его словам, а сама почему-то вспоминала, как ехала сюда на метро и, чтобы отвлечься, читала с планшетника материал к работе.

Потом она вышла на улицу, спустилась с метрооста, бежала к пазику-марш-

рутке, водители были кавказцы. Потом они ехали по Можайскому шоссе, тут всегда были пробки, потому что на разделительной полосе что-то строили, ночью тут горели огни, а днем забивали сваи; днем сияло солнце, из ТЭЦ белыми клубами поднимался дым, и звонко ухали металлические механизмы, разнося по округе тяжелый, нутряной звук прессуемой земли.

Она увидела его в приемном отделении, в самом конце длинного тусклого коридора, в одиночестве сидящим на банкетке, и в первые секунды не узнала его — лицо было кирпичного цвета, состарившееся, с чуть измененными чертами (в них читалось что-то безумное), и в ответ на это безумие (она уже узнала его, но как бы «отказалась» от него в эти секунды) в ней шевельнулось инстинктивное отвержение, она, видевшая его только в ореоле торжества, силы и красоты, не желала признавать в нем того, кого любила.

Но он уже узнал ее, и сквозь черты, искаженные безумием, вдруг проступила изумленно-жалкая улыбка, как будто ему, обреченному, нелегко приходилось по ту сторону жизни, вдруг блеснула надежда на спасение.

(«Какие друзья? — скажет он ей потом. — Все последние годы, все свое свободное время я только с тобой; друзья все отпали, они перестали звонить, чего звонить, если я не с ними?»)

Он не любил мобильный, выключал его — «он мешает мне думать, я словно на привязи, когда телефон включен, в любой момент меня могут дернуть».

Впервые за все время их знакомства она увидела его полностью разоруженным и обесиленным, и она горько заплакала.

Она не то чтобы поняла или почувствовала, она увидела, что он — на краю смерти, у пропасти, и она не знала, как его спасти. Она плакала, а он, он пытался ее утешать!.. По правде говоря, у него не было на это сил, и, понимая это, она пыталась сдерживаться. Она стала кидаться к врачам, звала их к какой-то работе, побуждала, просила; они были как сонные мухи, как механизмы, как автоматы, и ей никак не удавалось их растормошить.

Позже, в другие дни, когда она вечерами выходила из больницы через приемное отделение (центральный вход уже был закрыт), она ни разу не видела такого горя и такого отчаяния, как тогда у нее; все шло деловито, своим чередом, привозили молодежь с травмами, стариков и старух в окружении родственников, да, было беспокойство, участие, переживание, но была и молчаливая покорность, готовность к любому развитию событий. А может, они, эти сдержанные люди, так верили в исцеление?

— Что с ним?

— Ну, пытаемся понять... ОРЗ, наверное... Температура...

Терапевт на приеме была ласковая, миловидная, но совершенно бесполовая.

— Я, конечно, не врач, не могу вам советовать, но он на адскую головную боль жалуется...

Терапевт, видя ее рыдания, вздохнула и снизошла — назначила компьютерную томографию мозга.

Она сама вместе с женщиной-санитаркой завезла его на каталке к аппарату-капсуле, сняла ботинки, уложила на холодное клеенчатое ложе. Черты лица его заострились, отяжелели. Смерть была рядом. Она уже

распахнула свои холодные чертоги, манящую бездну, путь в пустоту, туда, где не будет страданий, отчаяния, жизненной мелкоты.

Исследование затянулось, она попыталась подсмотреть в щелочку.

— Закройте дверь! — рявкнула врач при капсуле. — Ждите результат на каталке! Не поднимать голову! — это Ване.

«Во! Он два часа у вас в приемном покое просидел, никто ничего не делал, а теперь, оказывается, и встать нельзя!»

Наконец каталку вывезли из кабинета.

Она держала его пальто в руках, пакет с обувью. Слезы все текли и текли у нее по лицу.

— Не плачь... — Видно было, как тяжело ему говорить.

— Это так... Не обращай внимания... Нервы просто...

Уже был вечер, за окнами темно. Шла рутинная работа — писались бумаги, вызывались в кабинеты пациенты, бестолково толклись родственники.

— Скорей бы лечь...

— Потерпи... Ты ведь лежишь на каталке, все лучше, чем сидеть.

Пришла женщина-санитарка — высокая, с крашенными в шоколадный цвет волосами, с вишневой помадой на губах, с подведенным черным глазами. Ухоженная, внимательная. Махнула рукой:

— Вези сюда.

Она неумело, торопясь, закатила каталку в узкую комнату.

Санитарка наклонилась и громко спросила:

— Вы доверяете этой женщине свои вещи?

— Что?

— Вещи, говорю, ей доверяете? Она вам кто? Вещи либо она заберет, либо в подвал сдадим.

— Я заберу, заберу, — засуетилась Женя.

— Снимаем все. Рубашку, брюки, носки (снимите ему носки), часы, трусы.

— Да трусы же зачем? — Он стал слабо сопротивляться.

— Затем, так положено.

— А куда, куда его?

— В палату, — неласково отвечала санитарка.

«В палату? — Она плохо соображала. — Но зачем все снимают, если в палату?»

— Вы сейчас с нами пойдете, а вещи соберите. У вас есть пакет?

— Нету.

— Я вам дам. — Видя ее отчаяние, санитарка смилостивилась, вынесла ей огромный черный чехол — для трупов.

— А что с ним?

— У врача спросите.

Она побежала к ласковой, миловидной терапевтке.

— Извините, я по поводу Рязанцева... Что с ним?

Терапевт смотрела в бумаги. Ответила сухо, совсем нелюбезно, без всякой ласковости.

— Инсульт.

— Инсульт? — Она охнула.

— Да, обширный инсульт, — зло добавила терапевт и отвернулась.

«Она его похоронила», — мелькнуло у Жени.

Санитарка везла его к лифту на каталке, он весь был в кипельно-белой простыне, как в облаке, как на небе.

Неужели Бог заинтересован в том, чтобы мы страдали, умирали, мучились?

«Почему мне так хорошо с тобой?» — много раз спрашивала она его.
«Потому что за нами стоит красота».

Лифт. Очень раздумчивый, с западающими кнопками. Бесплезно его торопить, жать на «закрытие дверей» — он живет своим ритмом. Больше четырех человек не берет, независимо от комплекции.

— Не трогайте его, он сам знает, когда ехать, — мудро посоветовала Жене медсестра, когда она стала нервно жать на кнопки.

Через день Женя, уже сама в белом халате, советовала новичкам-посетителям как завсегда: «Не трогайте, он знает, когда ехать».

Лифт как путь в рай или в ад. Как переправа через Лету. Лифт как обновленный челн Харона. Седьмой этаж, дальше только небо.

Бело-голубая вывеска «Нейрореанимация», граница между жизнью и смертью. У дверей кнопка — для вызова врачей. Угрожающая надпись «Посторонним вход строго воспрещен» с тремя восклицательными знаками.

Увозили как в облаке — в белоснежной пене простыней. Он на порожке, где санитарка с коляской запнулась, слабо махнул ей рукой. Створки двери сомкнулись.

«А если бы я не приехала?»

«А если бы я не рыдала, не кидалась к врачам в приемном?»

Она сидела на банкетке совершенно обессиленная — от пережитого потрясения, валерьянки, слез. Слезы бежали ручьем, она их вытирала бумажными носовыми платками, упаковка уже кончалась. Она не могла остановиться, собраться, сосредоточиться. 19.50 на часах.

Вышел врач в голубой униформе, высокий серьезный мальчик с умным, строгим лицом. В руках у него — история болезни.

— Вы — родственница? — участливо глядя в ее зареванное лицо, спросил мальчик.

— Нет, я коллега Ивана Сергеевича, — твердо сказала Женя.

— А родственники где?

— Жена — дома, она больна. А сын — в другом городе.

— Могу ли я вам доверять? — задумался мальчик.

— Так все равно больше никому! — воскликнула она.

— Я тогда запишу ваш телефон. — И мальчик вписал ее в историю болезни. — И вот что я вам скажу: ситуация критическая, в ближайшие часы нам может потребоваться человек, который даст санкцию на нейрохирургическую операцию.

Ужас, видимо, так явно отразился на ее лице, что мальчик поторопился ее успокоить:

— Вы не думайте, мы все делаем, что нужно, помощь пациенту оказывается.

— Да он у вас два часа в приемном просидел!

Мальчик поморщился:

— Это непорядок, конечно. Но мы отвечаем за него с момента поступления в отделение, видите, в истории болезни записано: 19.50... — И мальчик показал ей строчку с датой и цифрой. — Так вот, я вызвал мобильную нейрохирургическую бригаду для консультации, если они скажут,

что нужно немедленно оперировать, мне будет необходимо письменное разрешение родственника.

— А вы сами как считаете, потребуется операция? — Женя заглядывала в его глаза и, наверное, была в эту минуту очень жалкой.

Мальчик задумался.

— Понимаете, любая операция на мозге — это огромный риск для пациента... Но иногда приходится выбирать из двух зол меньшее.

— А когда будет бригада?

— Не могу сказать! Может, через 15 минут, а может, через 6 часов! Они же и по другим больницам смотрят пациентов. В общем, ищите родственников, а я пойду, посмотрю, что там...

Она включила мобильник Вани, пролистала телефонную книжку, нашла номер сына. Вот, через минуту в его жизни все изменится. «До» и «после»...

Она набрала номер со своего телефона. Трубку взяли, раздраженно сказали «да». Слышно было, как рядом плакал ребенок.

Она начала издалека:

— Здравствуйте! Я коллега Ивана Сергеевича...

Там, в другом городе, взрастала новая жизнь, плакал ребенок, а тут, возле голубой вывески «Нейрореанимация», она тоже плакала, по-детски, не зная, как победить беду...

— Вы только маме ничего не говорите, домой не звоните, ладно? У мамы сахарный диабет, сердце, ей нельзя волноваться, она, если узнает, что отец в реанимации, не представляю, что с ней будет... Пусть думает, что в терапии, я сейчас ей позвоню, скажу, что все нормально, что я с отцом говорил.

— Да, да, конечно.

— Я сейчас еду на вокзал, беру билет, я утром буду!

— Я вам позвоню, как бригада приедет, какой вердикт.

— Да, да, я буду ждать! И — спасибо вам огромное, что вы сейчас там. Пожалуйста, не оставляйте отца!

— Ну что вы! Иван Сергеевич столько для меня сделал...

«Пусть он лучше погибнет, чем потеряет разум, — вдруг смирилась Женя. Представить его сумасшедшим, парализованным, его, такого победительно-сильного, могучего и красивого?! — Господи, сделай так, как лучше для него! Если ему легче будет от смерти, то я согласна. Пусть даже я останусь одна, пусть я буду страдать и мучиться, но только бы ему было лучше!»

Никогда она не подозревала в себе такой самоотверженности и смирения!

Мобильная бригада нейрохирургов состояла из трех человек — усатого матерого мужика с чемоданчиком, женщины пенсионного возраста с седыми волосами и хмурого парнишки-студента. Они появились из лифта внезапно, уверенно распахнули дверь со строгой надписью и двинулись вглубь отделения, оставляя грязные следы на линолеуме.

Дверь захлопнулась.

Она ходила как заведенная — туда-сюда, и механически, будто выполняла незримый урок, твердила «Отче наш».

Бригады не было долго — наверное, минут сорок.

«Бумаги пишут», — догадалась она.

Наконец они вышли.

Женя бросилась к матерому:

— Что там?

— Операцию делать не будем — может не пережить.

— А прогноз?

— Тут вам никто не скажет. В любой момент давление может подскочить, повторный инсульт, и...

— Он в сознании?

— Сейчас спит. Третий и пятый день станут решающими.

Она оделась, взвалила на плечо огромный черный мешок с вещами, вышла на улицу. Было около трех ночи, но ей совершенно не хотелось спать. Она поймала частника на новенькой белой иномарке, и он повез ее домой, на другой конец Москвы. Играла бойкая музыка. Водитель, молодой кавказец, развлекал ее разговором, она поддакивала, понимая, что беседа ему нужна, чтобы не клонило в сон. Он рассказывал историю про кредит, на который он взял эту машину (это была редкая и дорогая марка, она тотчас забыла название), кавказец не бил машину в пробках, берег от кучной езды и выезжал на промысел ночами, когда пустые дороги и щедрый клиент.

Это был какой-то иной, параллельный ее бытию мир, она ехала в роскошном авто с погребальным мешком, в котором были сложены — кое-как — вещи Вани: пальто, брюки, кепка, шарф, рубашка в крупную клетку — она ему очень шла, впрочем, ему все шло; и часы — ее всегда возмущало, зачем он носит такие тяжелые, «брутальные» часы, а он ими дорожил — подарок сына...

Водитель уже нахвастался и даже из вежливости спросил, почему она возвращается так поздно и что в мешке. Она ответила уклончиво, без подробностей, не желая сбивать его с веселого настроения. «Еще настрадается, молодой...»

Она проснулась, будто от толчка, рано. «Что же вчера было плохого?» И тут же воспоминания вчерашнего дня и ночи вернулись к ней, и она даже застонала от боли...

Дверь в отделение была приоткрыта. Женя заглянула в щель, пытаясь прислушаться к разговору в ординаторской. Кажется, говорили о Ване, но ей ничего не удавалось разобрать. Тогда она выдвинулась чуть сильнее, и в этой позиции ее застал вышедший из палаты врач.

— Что вам? — Он спросил неласково, почти грубо.

— Я вот... к Рязанцеву... вечером поступил, — она с ужасом чувствовала, что сейчас, против своей воли, разрыдается.

— Пройдите, — кажется, чуть смягчаясь, сказал врач, — в 14-й палате он.

(Что значит это разрешение? Он так плох, что мне разрешают на него взглянуть? И почему «пройдите», если написано «посторонним вход воспрещен»?)

— Халат только наденьте, — приказал врач.

(За дверью на гвоздике висело несколько халатов.)

Она робко толкнула дверь.

Ваня лежал к ней лицом на высокой, как трон, кровати, весь опутанный проводами, с раскинутыми («как на распятии» — ужаснулась она) руками.

Он спал.

— Здравствуй, сынок, — он слабо шевелил губами. И то, что они с Колей вошли вместе, его не удивило.

— Может, мне выйти? Вы что-то хотите обсудить?

— Нет, будь на месте, — даже такой, беспомощный, весь перевиутый проводами, прикованный к реанимационной кровати, он управлял ими.

— Что ты сказал Коле?

— Он сам мне все сказал. «Пап, ты не волнуйся. Я все понимаю. Я маме ничего не скажу».

— А ты...

— А я сказал, что я без тебя умру. И что пусть нас Бог судит, он нас соединил.

У каждого свои возможности для отвлечения от главного, от сути жизни. У кого-то — лишняя тряпка, лишняя тарелка супа, поездка в Дубай... У нее была новая работа. Она ею увлекалась, а жизнь проходила мимо, мимо. А главное, они с Ваней стали реже видеться. Он не протестовал. Он просто попал в реанимацию.

— Спасибо вам, — Коля смотрел на нее мученически-благодарно. — Я, знаете ли, отцу хочу сиделку нанять...

— Нет-нет! Я все сделаю!

Коля ничего не ответил, только махнул рукой и отвернулся.

Это самое трудное: оправдать свою любовь, когда она со всех сторон грех. (Как будто жизнь вообще — не грех! Но зачем же тогда все эти копошения, если с самого начала все — грех?!)

Дело было не в том, что он был лучший для нее, это понятно, без этого никакой любви не бывает, а в том, что он был лучший вообще. Лучше всех.

(Потом она у него спросит: «А тебе встречались в жизни мужчины сильнее тебя духом?» И он, после раздумья, отрицательно покачал головой.)

Да, все дело в нем, в его исключительности! Женья впадала в самоуничтожение. Но и тут Ваня все выравнивал и приводил к гармоническому виду:

— Если бы дело было только во мне, то, выходя, допустим, на луг, где пасутся козы, коровы, я бы чувствовал то же самое, что и в твоих объятьях...

Женья хохотала — так наглядно и точно он объяснял.

Она еще не готова была понять, что и она, соединившись с ним, уже не такая, как все, а избранная. Пусть и светящая отраженным светом, но — его светом.

— Ты знаешь, сколько женщин признавались мне в любви?! Я ни одну из них даже не помню. А с тобой я все время в мыслях...

«Как же я пойду на работу?» Заплаканные глаза, набухшие веки. В подземном переходе она нашла ларек с оптикой, но темных очков от солнца почти не было — не сезон. Она выбрала с широкими стеклами, чтобы максимально закрывали лицо. Очки были не по размеру, сдавливали голову. Она поразилась, каким темным стал мир (день и так был пасмурный, без солнца). «Мир без Вани, наверное, будет для меня только таким».

Она зашла в храм в неурочный час. В огромном пространстве бродили неприкаянные фигуры. Она купила свечей и попыталась найти «знакомых» святых, но слезы так лились из глаз, что она почти ничего не видела.

— А вы поставьте свечу к этой иконе — 12 святых целителей, — и половина ваших бед уйдет.

(Наверное, это был ангел-хранитель в образе сердобольной, интеллигентной женщины.)

Она поставила свечу, и ее пронзила такая боль, что она невольно вскрикнула и разрыдалась. О чем она молилась? Не о себе. О нем. Пусть ему будет легче!

(И эта же амплитуда — между силой воли и чуткостью, ранимостью — только много больше — была в нем.)

Сердце ее плавилось как воск, плакало свечою в высоченном, величественном храме, где она была так мала.

Как знать, может быть, они последние настоящие влюбленные на всей Земле? Может быть, на них-то и держится весь мир?

Циммер куражился. Самовыражался, самовозбуждался, лил потоки словесной патоки, расцветал, вдохновляясь собственной демагогией. А то вдруг приходил в себя и говорил вполне трезвые вещи, но тут режиссер Игорь, пытаясь «завязать диалог», простодушно высказывал дельные предложения, и тогда грязевой поток открывался у Циммера с новой силой.

«Пропади ты пропадом», — с отчаянием думала Женья, украдкой поглядывая на часы.

Она вспоминала, что в тот самый день, когда с Ваней случилась беда, они не смогли встретиться — Циммер вызвал съемочную группу на внеплановое совещание и три часа, не замолкая, нес полную ахинею, глумился над ними. Зато, встречаясь с руководством, их начальник истекал пободобострастием, волшебным преображаясь в самую любезность.

Работа — продюсер на телевидении — ей очень нравилась. Найти ее было большой удачей.

— Зачем мы все это слушаем? — вскинулся Игорь.

Женья апатично пожала плечами.

— Терпеть ваши оскорбления мы больше не намерены. Вы абсолютно непрофессиональный человек. Мы увольняем.

Она внутренне ахнула: рафинированный атеист сделал то, на что она, наверное, никогда бы не решилась! Унижение так и длилось бы, высасывая из нее силы, делая ее недостойной Вани.

— Да пожалуйста! — истерически вскричал Циммер. — Скатертью дорожка. Видали мы таких!

Она потеряла престижную работу с хорошей зарплатой, и с какой радостью!..

Дома она сказала сыну, что уволилась. Костя кивнул. Он, такой чуткий и ревнивый, ничего не спрашивал: где она бывает, уходя с утра и возвращаясь ночью, почему так похудела и почему у нее тревожные, исплаканные глаза.

Женя поняла, что значит «ослепнуть от горя» — у нее резко упало зрение. Сидела, подшивала домашние брюки. Тыкала ниткой в иглоку — наугад, не видя. «Возьми, не пожалеешь, — убеждала ее торговка. — Я тебе со скидкой продам, потому что с манекена. У меня и зять носит, и муж. В них не только по дому, но и по улице можно ходить. Российского производства!»

И действительно, Ване полюбились эти брюки, понравились. Вот что значит, когда с хорошим сердцем проданы.

Одежду она выбирала с большим тщанием, и ложки — чайную и столовую, и вилку (потом докупила). «Столовое серебро» для больницы.

Она все время теперь ставила себя на место других, тех, кому было еще хуже, и ужасалась. На банкетке у входа в нейрореанимацию плакали молодые женщины — Лейла и Роза, жена и сестра. У Тимура обширный инсульт, «на полголовы».

— Он выздоровеет! Он справится, он сильный! — уговаривали они друг друга.

Через сутки врачи нашатырем приводили в чувство упавшую в обморок Лейлу. После, прибитые горем, в черных платках, женщины приходили в отделение за справкой.

Она шла по коридору нейрореанимации, стеклянная стена отделяла ее от пациентов: бесформенные тела в памперсах, старухи с обнаженными сумками грудей, испитые небритые мужчины, покалеченные в авариях парни, перекошенные инсультами старики, синюшные женщины с бессмысленными лицами; они были опутаны трубками, подключены к мерцающим огоньками аппаратам, они походили на гигантских, прикованных к опорам осьминогов, они стонали, хрипели, испражнялись, кто-то кричал в безумии...

«Да это же ад, страшный суд!» — ужаснулась она.

Заведующий отделением оказался душевным, улыбчивым мужчиной средних лет. «Ему бы психотерапевтом работать!» — подумала Женя, робко вглядываясь в ясные глаза в опушке из густых ресниц. Павел Николаевич сидел в своем светлом, уютном кабинетике за компьютером и деловито, двумя пальцами, печатал врачебную бумагу.

— Я вам разрешаю бывать в отделении, ухаживать за пациентом. Мы его отдельно положили, а то ему будет со всеми шумно, видите, какой у нас контингент...

— Спасибо вам огромное!

— Если будут какие-то проблемы, сразу звоните дежурного врача.

Ваня лежал в палате с глухой, а не стеклянной перегородкой, через стенку от ординаторской. Над кроватью — номер «16». Это была заброшенная палата-кладовка, огромная комната с высоченными потолками. За ширмой в обилии громоздились ящики с физрастворами, медоборудованием, рядом стояла заправленная чистым кровать.

Места было много и воздуха много, и было огромное окно с жалюзи.

Днем, когда в него било солнце, Женя закрывала створки. Присмотревшись к действиям врачей, она научилась мерить давление на огромном аппарате, где бойко бежали кривые сердечного ритма. («Вы аккуратней только, — сказала медсестра, — аппаратура очень дорогая, не расплатитесь, если поломаете».)

Но Женя ничего не поломала. Здесь, в реанимации, она сама возвращалась к жизни, к тому высокому напряжению, в котором жила их любовь, к сверхчувству, имевшему свои права — поверх жизненных предписаний и законов.

Жизнь шла своим чередом, и она изумилась, что в метро много молодых, здоровых, веселых лиц, что тут деловой и чуть разгульный настрой. Жизнь, оказывается, шла и за пределами реанимации; а она не видела, не слышала ни зимы, ни оттепели, все проходило мимо, ухало в бездонную гать, которую ей следовало замостить, проложить через нее дорогу на сухой берег, к живой жизни.

В метро крепкие, широкоплечие парни хохотали (она поймала себя на чувстве, что смотрит на них осуждающе), девчонки в модных шубках стреляли глазками, притворяясь, впрочем, что им нет никакого дела до грубых мужланов.

Да, шла жизнь, которая прекрасно будет идти и без них, без их любви. Значит, любовь нужна, прежде всего, им самим — для спасения.

В ту зиму — первую зиму их любви — тоже шел снег, стоял жуткий мороз — как сейчас, только тогда зима была еще дольше, казалось, что ей не будет конца.

У нее было бедное пальто на «рыбьем меху», но длинное, в пол, как шинель, они ходили по паркам и целовались в мороз.

— А давай помечтаем... Как я выздоровею и мы с тобой будем ходить по бульварам. Потом посидим в кафе, потом я тебе буду играть...

Женя кивала. Нет, она ни о чем не хочет мечтать! Она хочет прожить этот день благополучно, а что будет завтра? Она даже думать не хочет про завтра, она живет одним днем, одной заботой, одной надеждой, одной молитвой.

В лифтовое зеркало на нее смотрела красивая молодая женщина. «Возьми меня с собой», — твердила она.

Отодвинув смерть, они были счастливы, может быть, так счастливы, как в первые дни их любви.

Стояли немислимые, чудовищные морозы, но она их не чувствовала — стужу она переносила легко. И бессонницу, и бескормицу — легко. Тяжело она переносила только его страдание.

На Крещение, 19-го утром, она все прикидывала, где взять святой воды. И путь все не вырисовывался, получалось долго, неудобно. Как вдруг, уже подъезжая к «Театральной», она вспомнила о храме на Ильинке, прямо у метро «Площадь Революции», куда они однажды заходили вдвоем.

Она побежала туда, и все устроилось — очередь была совсем небольшая, потому что на разливе стояло несколько женщин; она и свечи успела поставить, и помолиться.

Потом она смачивала его святой водой, поила его, не особо, впрочем, веря в чудо, не надеясь.

И только через год, когда она увидела колокольню этого храма в морозном небе, она вдруг вспомнила, что на следующей день ему стало сильно лучше, он почувствовал себя почти здоровым... А тогда она даже не поняла, не оценила чуда.

Поздней ночью она вышла из метро и вдруг почувствовала, что страшное напряжение последних дней ее отпустило, что в мире что-то изменилось, «сдвинулось» и что она, похоже, вырвала его у смерти; что сейчас будет передышка, и оттого ей стало даже чуть скучно, чуть обидно, и каким простым и ординарным показался мир вокруг!

Произошел перелом. Она будто бы вышла из шахты, тяжелого забоя, усталая и отупевшая.

И она даже пожалела, что эти несколько дней в реанимации миновали. Они снова вернули, возвратили ее к первым дням их любви, к первоначальному высокому чувству.

— Вам, конечно, фантастически повезло, что удар обошелся без фатальных последствий — мозг не пострадал. Кровоизлияние обширное, величиной с яблоко. Чудо, что кровь ушла в желудочек. Но слабость, головные боли, проблемы с координацией еще будут долго.

Если у любви есть крылья, то они несли ее в этот день, поднимая, как птицу, над землей. Они ведь были созданы друг для друга, изначально, но что-то сбилось в настройках истории — их жизни развели по параллельным орбитам. А любовь поломала всю «астрономию» судеб, и они все равно встретились, все равно, назло козням и несовершенствам мира.

— Хоть посмотреть на мозг великого человека, — говорил Миша Корнеев, рассматривая у окна снимки компьютерной томографии и качая головой.

В аду — в реанимации — у них был райский уголок — отдельная палата, где стараниями черноглазого ангела — мальчика-врача (все решалось в первые сутки!) Ваню вернули к жизни.

— Еще хоть денек полежать бы здесь, — просил он заведующего.

— Мы и так вас держим нелегально, у нас больше трех суток нельзя — либо на поправку, либо на тот свет... А вы у нас пятые сутки... Нам отчитываться надо за место, понимаете?

(В реанимации их любили — Женя чувствовала. Потому что врачи, наверное, понимали, что тут не просто «медицинский случай», а другое, редкое, про которое в книгах пишут или в кино показывают.)

Их перевели в отделение неврологии. Вот где было по-настоящему страшно: в шестиместной палате четверо сумасшедших.

— Кваску! Катя, кваску! — кричал и рвался привязанный к кровати здоровенный малый в памперсах. Он не различал день и ночь, медиков и пациентов. В минуты просветления он угадывал лишь Катю и тогда плакал, скулил от боли. Полупарализованный, дергался левой стороной тела, отказываясь ходить на судно — стеснялся. Рвался в туалет. Он жутко кричал ночами, никому не давая спать.

«Бедная Катя!» — Она видела покорную спину несчастной женщины. Катя приходила после обеда, кормила больного, ухаживала за ним.

«А ведь на ее месте могла быть я!»

— Не имей сто рублей, а имей... Что имей? Рубанов, думаем, думаем!

Врач-педагог учила говорить лысого, усатого мужика. Он мычал, глупо улыбался.

— Вспоминаем! Не бездельничаем! Без труда не выловишь и рыбку... Откуда тащим рыбку? Рубанов, в чем проблема? Ну, откуда рыбка?

— Так, все ясно, думать не получается. Повторяем за мной: не все коту Масленица.

Рубанов, потея, краснея и заикаясь, выдавливал из себя слоги.

— Молодец! И дальше: не все коту Масленица, будет и Великий пост...

На фоне общего безумия Миша Корнеев смотрелся совершенно нормальным.

— Вы чего здесь? — изумилась Женя.

— После инсульта — адские боли. Боюсь, что с ума сойду. Лечусь.

— Помогите Ивану Сергеевичу, если что попросит, ладно? Мне домой надо.

С Мишей они подружились (вот и «друг семьи» у них появился!). Корнеев приглашал: «Как выздоровеете, приезжайте ко мне в Можайск на лошадах покататься. У меня ферма своя».

В неврологии они пролежали недолго. Врач, похожая на студентку-отличницу из сериалов (в круглых очках, с круглой же головой), перевела в терапию: «Там поспокойней».

Если Ваня начинал жаловаться, мол, его шатает, нет сил, и когда же станет легче, Женя напоминала ему про палату безумных: «Не все коту Масленица...» или «Катя, кваску!»

Не дай нам Бог сойти с ума, уж легче посох и сума...

Любовь была разлита в мире, любовь решала все: видя ее самоотверженность, таяли самые холодные сердца, врачи, медсестры, все они жили привычкой, очерствели душой — без этого можно сойти с ума от страдания, а любовь — она ведь редкость в больницах; в больницы попадают нелюбимые, любимые счастливы и не болеют, нелюбимым выказывают жалость, участие, внимание, а вот любовь — это редкость... Любовь даже в книжках теперь редкость, чего ж говорить про жизнь!

В больнице смиряются с обстоятельствами; ну, мало ли, «все умрем...» И когда сталкиваются с любовью — это редкость, исключение, это удивляет!..

Может, и у Жени ее любовь ослабела, если Ваня попал сюда?

Игорь (режиссер) звонил ей, сочувствовал. Говорил: «Ну, найми сиделку». (Он был в курсе, что у нее родственник в больнице, не знал, правда, какой родственник.) Она не понимала: что может дать сиделка? Вынести судно, покормить с ложечки? (Все это и она делала.) Но сиделка не будет тащить человека с того света, не будет переливать ему свою силу, не будет говорить сто раз на день «люблю» — каждый раз с новой интонацией, то с восторгом, то со слезами на глазах, не будет целовать его руки, исколотые иголками капельниц. Сиделка не будет мысленно молиться у дверей ординаторской, ожидая вердикта лечащего врача, нет, зачем сиделка, если есть Женя?!

Была стужа, морозы, потом с неба летели «куры» (огромные, растрепанные хлопья снега), потом пришла оттепель. Были отдельные палаты и «общежития», была реанимация и терапия, неврология и гастроэнтерология. Были депрессии и подъемы, был восторженный, озабоченный сын Коля, были паровые котлеты из индюшатины, белорусский творог, ря-

женка из Тверской области... Была золотая хурма, бананы и гранатовый сок. Была любовь, была их «семейная жизнь» на виду у всех, в больничных палатах.

Как примирить их грех с жизнью? Вся жизнь, вообще говоря, есть нарушение правил (правила — это «средняя температура по госпиталю»). Весь вопрос в том, для чего ты нарушаешь предписанное? С каким сердцем?

Их встреча не была «счастливым случаем», удачей. Случай возносит на вершину власти и могущества бездарностей и ничтожеств, а талантов и трудяг загоняет в забвение; случай дарит внезапное богатство и фантастическое везение, случай — игрушка, которую подбрасывают людям языческие боги.

Но их встреча не была случаем и не оставляла никакого выбора — Бог соединил их, чтобы продлить жизнь и приблизить к себе.

Теперь она стирала, кормила, убирала, любила, заботилась, покупала газеты — «Московский комсомолец», «Аргументы недели», «Мир новостей», однажды даже купила «Новую»; она мерила давление, целовала лоб, чтобы понять, есть ли температура, протирала спиртом исколотые руки, гладила пижамы, стирала носки и трусы, заботилась о том, чтобы в холодильнике были свежие продукты — фрукты, чернослив, хурма, йогурт, детский творог и соки.

Это была семейная жизнь, о которой она мечтала, и она — сбылась.

Он не хотел переводиться из отделения терапии, ему нравилась эта однокомнатная палата (Коля оплатил). В окно была видна серая береза, на которую часто прилетали птицы — не вороны, не галки, а какой-то обобщенный городской образ воздухоплавающих.

— Смотри, куры летят! — однажды воскликнула она. С неба действительно падали великанские хлопья снега, частые, белые, лохматые, такой снег, наверное, бывает только однажды за зиму.

Как замороженные они сидели близко-близко у окна, и казалось, что они не в больничной палате, а в волшебном лесу, в сторожке лесничего, где печка дает тепло, где им спокойно и надежно, а завтра у них — зимний трудный день, перед которым они набираются сил в уюте и довольстве.

Она размышляла о любви, разлитой в мире, и с грустью чувствовала, как ее, оказывается, немного. Люди живут привычкой, обычаем, рефлексом, по «накатанной». Жизнь как хлеб, но не хлебом единым...

А чем?

«С музыкой ты никогда не будешь бедной или униженной». И вдруг она увидела его, несчастного, одиноко сидящего в углу приемного покоя, корчащегося от боли. А как же музыка?.. Не помогла? Обманула?

Но разве ее саму не привела к нему музыка? Музыка, которую она впервые услышала от него! Значит, он был прав. Как всегда!

Творческая воля была в нем сильнее всего. А в ней? Может быть, вера любви?

Но как жестока жизнь! Жизнь, которая будет продолжаться и после нашего ухода.

По телевизору показали:

- а) что замело трассу до самого Ростова, но уже расчищают;
- б) что президент встретился с иностранной делегацией, прибывшей с официальным визитом, и обсудил вопросы экономического сотрудничества;
- в) что бобслей — олимпийский вид спорта.

Это был огромный сюжет — минут десять, не меньше — про сани, длину желобов, скольжение, подготовку трассы, костюмы спортсменов. Видно было, что режиссер снимал с большим тщанием — использовались спецэффекты и анимация, инфографика и архивные кадры.

Ваня с недоумением посмотрел на нее: он побывал за гробом и вернулся, долго бился со смертью, выкарабкивался из болезни, и все — ради чего?!

Женя, видя его разочарование, лишь развела руками: мол, ничего поделать не могу.

Оказывается, «вся полнота жизни», отраженная в телевизоре, ничего не значила по сравнению с тем, что они пережили за эти дни.

Кончилось их приволье — в кардиологии была только двухместная палата.

Сосед Вязьмитин оказался человеком деликатным и очень тщательным — все записывал в книжечку, очень интересовался своим здоровьем и вообще был мужчиной примерным во всех отношениях.

«Кагэбэшник», — решила Женя.

Это был первый день, когда они вышли на улицу, — врач разрешила еще неделю назад, но Ваня все медлил, не чувствуя в себе сил.

День был промозглый, серый. В беседке курили санитары и больные, возле мусорных баков суетились голубы, березы стояли молчаливо, тихо. Она увидела, как посветлело его лицо.

Они ходили хаотично, бессистемно, а высокий мужик в трениках с тремя белыми полосками все наматывал и наматывал круги вокруг корпуса. Он назидательно заметил им: «Ходить надо по часовой стрелке! Тогда толк будет!»

Они смеялись.

Они походили с полчаса. Ваня устал. Поднялись наверх, в палату. Она помогала ему раздеться. Вязьмитин деликатно вышел. И тогда Ваня налетел на нее и стал целовать ее с такой отчаянной страстью, что она едва успела закрыть дверь на защелку.

«Это была наша Олимпиада, наш рекорд». «Ну тогда уже параолимпиада...»

Она ехала по Шаболовке на трамвае и вспоминала: ах, так это же здесь начиналась их любовь! В старых домах жил его товарищ, скрипач Снегирев. Она вспомнила, как они шли от метро, втроем, и она, конечно, понимала, зачем она идет в гости к одинокому Снегиреву (он их тактично оставил после чая), но не это было главным. Вдруг выяснилось, что близость, составляющая самую суть, вершину отношений мужчины и женщины, есть необходимое, важное, даже жизненно-важное в их отношениях, но самый смысл любви — не в этом, а в чем-то другом, неуловимом. Нет, их не настигло ни разочарование, ни опустошение, ни равнодушие, ни сытость, да, произошло необходимое, неизбежное, но тайна была в другом, и ничего не пострадало в них от греха. Они были люди, мужчина и женщина, желающие друг друга, но они будто и не были просто людьми.

ми, были еще и души их, дремавшие прежде, не могущие выразить себя полностью, и вдруг души эти вышли на простор, они встретились, они воодушевляли и радовали тела; у душ словно тоже была правда, и духовный путь — главным, а тело, да, тело — это дом, но главное — было в чем-то другом, другом!..

«Боженька, прости нас!» — шептал он, обнимая ее. «Боженька, прости нас!» — мысленно вторила она ему, и слезы бежали из глаз. Что ж, мы не ангелы, мы грешные люди, но мы признаем над собой великого Бога, соединившего нас.

Снегирев жил в настоящей холостяцкой берлоге, запущенной, небранной. Но пианино было хорошим, настроенным, и Ваня обязательно ей играл — свое, чужое... Трамвай медленно катил по Шаболовке, с деловитыми звонками, с покачиванием железного вагончика (что-то игрушечное, детское было в этой езде), она ехала, вспоминая их любовь, удивляясь ей, и жизнь ей казалась непостижимо-высокой, похожей на сказку.

Творчество — не просто работа, время, талант. Творчество — божественная энергия, которая либо дается тебе, либо нет. Ваня был чистым ее носителем. А она оказалась рядом, купалась в ее лучах. Но она была нужна ему. Чтобы его жизнь продлилась... Вот и все. Вот и весь грех.

Она ввалилась домой, от усталости еле волоча ноги. У сына в гостях невеста («Я, мам, женюсь скоро», — сказал ей Костя как бы «между прочим», а у нее даже не было сил «выяснить отношения»), и они нестройным дуэтом декламировали под караоке: «Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!..»

«Тоже музыка!» — умилилась Женя, падая в сон.

Елка дома стояла неразобранная, грустная. И наряжена она была наполовину. Жизнь проходила второпях, и, может быть, самые счастливые ее моменты были в больничных палатах.

Наступил день Святого Валентина, праздник всех влюбленных, народ нес цветы. Ваня не помнил музыки, сочиненной в реанимации (несколько фраз, Женя записала), он вообще ничего не помнил отсюда. Не помнил, как она неумело брила его, как кормила с ложечки, меняла белье... Может, и к счастью, что не помнил.

Он нес в себе идеальный мир, а она стояла у подножия невидимого града, удивляясь, что ей дано счастье слышать, чувствовать, осязать эту великую красоту.

«Боженька, не разлучай нас», — твердила она то, что Ваня ей сказал тогда, у окна, на скамейке.

«Эх, пройтись бы сейчас по Тверской после хорошего концерта, выступления!»

Сколько они ходили по Москве! Их можно назвать самыми бродячими влюбленными Москвы — они многократно прошли все бульвары, Остоженку, Тверскую, Большую и Малую Дмитровки, обе Никитские улицы, все переулки вокруг Консерватории, Гнесинки (Ваня там преподавал), они ходили в листопад, в снег, в метель, в ливень, да ведь это редкость, редкость — такая любовь!

И везде пели, гремели, шипели, щелкали и пищали звуки, и вся она была одно напряженное и восторженное ухо, улавливающее жизнь.

— И вот этот герой, из мира стихий и гармоний, должен жить в «слишком человеческом» окружении быта, мелких разборок, сует... Земные женщины любили его красоту («Рязанцев фантастически красив!» — восторгалась после записи на Пятницкой редактор Лера, не зная, что мы знакомы); но не понимали его желаний, метаний... И тогда, как античный Зевс рождал своих детей из себя, так и Ваня нафантазировал меня в музыке. И получилась цепь: Ваня — божественный и человеческий (как любой творец), и я — человеческая и Ванина — как любой помощник творца. Я была «немножко он», и оттого мы так хорошо слышали друг друга, например, часто одновременно звонили друг другу...

Так говорила она себе, чтобы потом поделиться своими открытиями с Ваней.

Их окружали обычные люди и «типажи»: задиры, зануды, ханжи, карьеристы, подлецы, трудяги, правдолюбы, шалопаи, жулики; люди, катящиеся по установленной колее, словно обрабатывающие проложенный «сверху» маршрут; встречались, впрочем, и оригиналы — непонятные, загадочные, самодостаточные; на работе Же́на насмотрелась на людей публичных — как наркотик, им нужны софиты и трансляции, без подпитки миллионов они сохнут и вянут, как вампиры без крови; наконец, есть люди гениальные, одаренные могучим умом или воображением, будто парящие над всеми, создающие произведения или совершающие открытия, которыми пользуется все человечество (хотя они не заботились об общественной пользе, это у них вышло, между прочим, от избытка сил). И, наконец, над всей людской пирамидой был для нее Ваня. Человек, способный творить не только музыку, но и творить человека «из ничего», так, как, допустим, он сотворил ее...

Временами ее тянуло вниз — от неверия. Тогда она пыталась смотреть на вещи обыденно, «как все», и тогда получалось, что жизнь ее разгромлена, ее положение чудовищно, она — в неопределенном семейном статусе (даже двусмысленном), а с точки зрения религии — вообще в страшном грехе; тогда она пробовала как-то упорядочиться, придать себе хотя бы внешний вид «добродетельности»; но эти благие намерения только ослабляли Ваню, он все чувствовал запредельным, первобытным чувством и все знал про нее, ничего не спрашивая.

Но любое ее простое, искреннее слово («я тебя люблю») было целебным и лечило его — на глазах. Будто это не слово, а оазис с ключевой водой, до которого наконец-то добрался бредущий по пустыне одинокий путник...

На следующий день они снова вышли на улицу, снег осел, кое-где обнажилась земля, черные латки на березах стали ярче, контрастней, знакомая ворона (видели в окне) летала как-то боком, будто балуясь, сварливо и заполошно каркая.

Теперь они ходили по кругу, как им посоветовал вчерашний пациент, сделали три неспешных обхода, Ваня жаловался, что в ногах нет твердости, а она говорила ему, что «лучше плохо ходить, чем прочно лежать».

— Ну, у тебя все аргументы ободряющие...

Они хохотали.

Позже, сидя в холле у лифтов на диванчиках у окна, они твердили друг другу о своей любви. Обсуждали быт: «Если бы не ты, я бы не стал сегодня ужинать. Ты возвращаешь меня к жизни».

Да, она дарила, возвращала ему то жизнелюбие, которым когда-то он одарил ее — ведь она бы могла прожить свою жизнь в величайшем несчастье, в заблуждении, путая фонари с солнцем! А может, при ее впечатлительности, рядом с другим человеком она бы давно погибла?!

Они спасали друг друга! Любовь — это и есть спасение, МЧС, скорая помощь, да что угодно...

— Любовь, мне кажется, редкое чувство, — бралась философствовать она.

— Любовь — чувство исключительное, потому что оно нам послано Богом, — Ваня был точнее и тверже.

Возле больницы были высокие снега, морозные сосны, магазин «Магнолия» — там она купила кефир в бутылочке, детский сырок с ванилью — первая его пища, которую он съел с удовольствием сам (до этого в реанимации она кормила его с ложечки). Полулитровая бутылка воды «Шишкин лес» с соской путешествовала с ними из больницы в больницу, ей уже исполнился месяц, это был их талисман.

Они не съели вместе пуда соли, нет. 20 г сахара, больничные пакетики, она приносила домой, зеленое яблоко, апельсин (ему нельзя) — «гостинчики», которые она ела с особым, горько-благодарным чувством.

Они пили из одной чашки, ели из одной миски, той самой, в которой она в реанимацию принесла ему рис, приготовленный на пару.

— Как бы я без тебя был?!. Я бы погиб.

— Не я, так другая. Кто-нибудь был бы, — вздыхала она, глядя его лоб.

Но никто другой не мог быть! Только она.

Она была для Вани все эти годы неплохим другом, вот что важно. Да, да, неплохим другом.

Лифт открылся, и Женя замерла на пороге: Ваня был в холле с женой. Она сидела к нему вполоборота, не видя Жени.

Лифт поехал дальше, она вышла через два этажа.

Для Вани главное — его дело — музыка. Для жены главное — Ваня. Для Коли — его родители, отец и мать, семья.

А для Жени? Музыка Вани? Нет, она бы так не сказала. Ваня сам — воплощенная музыка. А музыка — это и храм, и мастерская, и битва, и любовь, и наслаждение, и гармония. Густая, как мед, сильная, как ветер, буйная, как штормовая волна.

Бывают счастливые, удачные дни, когда в метро тебя окружают красивые люди, когда по телефону все приветливы, когда на пути попадаются как раз те, с кем давно надо встретиться.

А бывают дни, когда все против тебя. И давление скачет, и врачи раздражены, и суп противный.

Ваня устал, сник. Открылась язва желудка, его лечили тяжелыми препаратами. Он оживлялся лишь когда приходила Женя, кормила его, заботилась.

— Тебя будут настигать тяжелые депрессии после инсульта...

— Да? Когда ты рядом, у меня нет никакой депрессии... Посмотри, какие несчастные березы! Черные, закопченные. За городом они другие.

Ей шли сообщения на телефон, что нужно забрать заказанные книги из пункта самовывоза. Вечером она добралась до Тверского бульвара и поразилась, увидев деревья в мелких, светящихся синим, огнях. Как будто она высадилась на далекой, волшебной планете... Неужели она останется жить, а его не будет?! Она была словно ветка, привитая к могучему дереву, что ж, на ней были особые, свои яблочки, но погибни дерево, она не выживет — это ясно.

«Неужели мы никогда больше не пройдем вместе по этой улице?»

Они прогуливались уже третий раз — вокруг морга. Стрелки «Траурный зал» соседствовали с указателями на МРТ.

Женя рассказывала про первую ночь, проведенную в реанимации, он ничего этого не помнил, удивлялся.

«Это от лекарств», — объясняла Женя.

Дело, худо-бедно, шло к выписке.

Ваня расстроился: «Как я буду без тебя жить?»

— Не привыкать, — жестко рубила она. — Считать за сон.

Вот магазин «Белорусские товары», вот кафешка с домашними половиками, где она однажды глотала кофе пополам со слезами, вот киоск «Избенка», где брала черничный сок и термостатный кефир... Вот аптека, где она покупала настойку шиповника для укрепления иммунитета.

Утром она проснулась и, лежа в постели, стала обдумывать: что же это было и есть, это чувство в ее жизни и в жизни вообще? Часто ли оно встречается? Могла ли она вспомнить что-то подобное? Допустим, в искустве? Где? У кого? И в чем суть «задания» ее жизни?

У нее закружилась голова. Она потом еще выпила крепкий кофе, и у нее даже затряслись поджилки — от волнения и напряжения. Но потом она успокоилась, стала вспоминать их вчерашнюю встречу, разговоры. Что же это было и есть? Любовь? Ну да, конечно, любовь. Но как бы глубоко и прекрасно ни было это слово, оно все-таки не описывало всего того, что чувствовала она к нему и, что уверена, чувствовал он к ней.

Любила ли она прежде, до него? Нет. Но и между ними была не только любовь, чувственная привязанность, влечение, сходство темпераментов, вкусов, привычек (до определенного предела, впрочем, сходство — они же были мужчина и женщина, и многое в их реакциях было различно), было понимание, уважение и тревога друг за друга, были вплетены и востребованы в этом чувстве все их лучшие качества, но все-таки это была не та земная любовь, которую ей приходилось встречать у людей. И осознание этой исключительности пугало ее. Такое чувство — Бог дает. Но зачем? У Жени мурашки пошли по коже. В чем это задание? Как его угадать? Просто жить? Ну, не может быть...

Взгляд ее упал на икону — простую картинку из календаря, которую она постеснялась выбрасывать, вырезала и вставила в рамку. И вдруг ей подумалось: неужели Бог любит каждого человека точно так же, как они с Ваней любят друг друга? Ей стало страшно — от осознания — сколько же в Боге сил! Если даже какая-то частичка, золотинка, перепавшая им, так осветила и перевернула их жизнь.

— А может, раньше, в неведомые времена, любовь такой и была? Может, нам достался этот клад, потому что мы искали его? Если бы мы искали богатства, власти, мы бы их нашли. Но мы искали любви. Могли бы, конечно, не найти. Есть достойные, правильные люди, которым этого счастья не дано. Они хорошие, в них все благонаравно устроено, но в них будто «ограничители» стоят. Я с ними чувствую себя неуютно — безнадежно грешной. А с Ваней я чувствую себя слабой, несовершенной, но все-таки способной встать и закрыть амбразуру — если потребуется. Один раз — но совершенно бесстрашно встать. Умереть за родину, за Ваню, за Бога — не задумываясь. Нет, на долгий подвиг я не способна, а один раз умереть — уже могу.

Так говорила она вслух — сама с собой.

— Могли бы мы встретиться, просто любить друг друга? Это тоже немало! Нет, не могли. Было ли это чувство нами как-то выстрадано, заслужено? Ну, может быть, Ваней. А мной — нет...

И вот еще что: он был среди нас, бедных, а не среди богатых и сильных мира сего. Ездил в метро, шел по улице, и вообще — Ваня доступен в общении, без заносчивости. Раньше классическая музыка звучала во дворцах, для королей и знати, а сейчас, пожалуйста, иди в консерваторию. Есть даже бесплатные билеты и места. Настоящее искусство доступно материально, но не каждому по душе. Бедные сами себя теперь обворовывают... И вот Ваня спустился к ним, с сияющих вершин, а кругом — будто слепые и глухие. А Женя — откликнулась! Душа ее откликнулась — бессознательно, чувственно, ничего не понимая толком.

«Значит, Бог по-прежнему среди нас; он отправляет своих посланцев в народ, а люди кругом ослеплены огнем реклам, миганием телеэкранов, уткнулись в окошки телефонов и больше ничего не видят! Уши их забиты тяжелыми ритмами, красота не трогает сердца... Вот для того, чтобы быть услышанным, Ване даже пришлось „родить” меня...»

Все будет хорошо: больные выздоровеют, одинокие встретят свое счастье. Дети вырастут, снова придет весна... Жене хотелось плакать от полноты чувств. Все будет! Их не будет, а счастье будет. В окно она видела машину «Скорой», плавно выезжающую из двора. Господи, пошли выздоровления всем болящим...

Это было первое утро, когда ей не надо было немедленно вставать, бежать, не надо думать, чем его порадовать в больнице, ломать голову, изобретать что-то новенькое, чтобы завлечь его на еду — у него совершенно исчез аппетит, и от этого чувства неопределенности (как он сейчас?) было тоскливо, и она заплакала, вспомнив его несчастный, согбенный вид.

Его привезли в больницу с голубым матерчатым портфельчиком (надпись на английском — «Международный конкурс им. Шопена»), там была кружка, туалетная бумага, таблетки и мобильный телефон, а уезжали они из больницы с огромной белой сумкой из супермаркета. Обросли вещами за 33 дня — три комплекта пижам, посуда, влажные салфетки, бинты, лекарства, продукты.

— Возьми себе еду.

— Домой сейчас приедешь, а вдруг там ничего нет? Чем будешь ужинать?

— Ты права...

А еще целый пакет бумаг — справок, анализов, гигантские снимки компьютерной томографии.

Теперь она знала о нем все — из больничной выписки. И что грудная клетка правильной формы, и что живот «обычный, симметричный», и что дыхание ровное, а пульс ритмичный, удовлетворительного наполнения. А также количество лейкоцитов, эритроцитов, гемоглобина и еще тьму всяких подробностей — про почки, желудок, сердце, мозг, скелет, кровь, лимфу, и что поступил «в критическом состоянии, нетранспортабелен», и что выписывается «в удовлетворительном». Но эти анализы, биохимии, рентгены, томографии на самом деле ничего не рассказывали ни о нем, ни о его жизни. Ну, или почти ничего.

Она взяла планшетник (тот самый, с которым когда-то отправилась в приемное отделение), включила аудио. Нет, музыка Вани не выражает ничего типичного, никаких общих тем. Она выражает только его! Его исключительную и недоступную красоту, внешнюю и внутреннюю.

— И за что ты меня любишь?! — снова удивилась она.

Женя вспомнила, как однажды сидела на концерте, Ваня дирижировал, руки его властно и бережно вели оркестр. Повелитель гармоний! И вдруг, на какую-то секунду, ей почудилось, что она всего лишь обычный слушатель и что Ваня для нее так же недоступен, как и для всех остальных, сидящих в зале. Ужас пустоты мгновенно открылся перед ней, душа содрогнулась, будто во сне привиделось страшное. Слезы счастья побежали по щекам — неправда, они вместе! Но разница, да, между ними велика. Примерно, как между рекой и лодкой...

«Может быть, любовь бессмертна? Может быть, она не умрет вместе с нами?»

Нет, не в них было дело, не в их отношениях, чувствах (хотя и в них!), а в чем-то вечном, чему они причастны, призваны. Позже она пыталась ему объяснить это чувство, зная, что он его знает, но словами выходило плохо; грубо — не точно.

Музыка звучала, они — жили!

— Закажите такси, я вам потом деньги вышлю, — наказывал ей по телефону Коля.

— Хорошо, — соглашалась она.

Но Ваня уже ходил, а ехать от больницы до дома недалеко — семь остановок на трамвае.

Вот Бог дал им это счастье — выйти вместе — из реанимации, из неврологии, из терапии, из кардиологии, снова из терапии. Пять отделений, две больницы — за 33 дня.

Ваня держался за нее, она тащила сумку, набитую вещами.

Трамвайчик был новенький, почти пустой, весело звенели звонки, ласково звучали остановки. Даже не верится! Они едут на трамвае! Вместе!

Остановка была прямо у его дома.

— А как же дальше? — Он был растерян и угнетен. — Я не смогу сам подняться, а тебе — нельзя...

Дворники-таджики долбили лед на тротуаре.

— Сейчас, подожди.

Был нанят Тамерлан — за 50 рублей — сопроводить до квартиры 122, позвонить в дверь, дождаться, пока откроют, потом вернуться к Жене и

получить доплату. Через пять минут дворник уважительно заглядывал ей в глаза: «Все сделал!»

«Вот и все!» — Она обогнула дом, вышла на небольшую площадь у метро, бесцельно потолкалась у рыночных ларьков.

Район был богатый, цены высокие. Прилавки ломились — гранаты, хурма, апельсины, яблоки, связки пахучих колбас, сочащаяся жиром копченая рыба...

«Вот и все!» — твердила Женя.

Коле она не стала звонить. Добрые вести дойдут до него сами.

Ей казалось, что эти 33 дня и 33 ночи слились в один чудесно-мучительный день, оплаченный его болью и страданием.

Она еще покрутилась на площади, купила в ларьке газету, потом ехала в метро, невидящими глазами смотрела в заметку, а внутри у нее все дрожало — от перенапряжения, от тяжелой, похмельной усталости, которая, наверное, бывает после кровавого боя, из которого им чудом удалось выйти живыми.

Она шла по аллее — золотистой от осенней листвы и яркого солнца, аллее, похожей на царскую тропу — такой торжественной и пышной была эта дорога. Природа будто воздавала почести, и от восторга у нее даже перехватило сердце, а потом жарко и радостно забилося. Она остановилась, оглянулась и увидела Ваню.

И вот они шли вместе по золотой шумящей аллее как триумфаторы, как счастливые царь и царица. Они, наверное, думали об одном и том же, но она не стала его ни о чем спрашивать.

Каждый день ее был теперь наполнен радостью, ужасом и надеждой. Радостью этой удивительной, высокой любви, ужасом — случись что с Ваней, она просто не сможет этого пережить; и надеждой — что, может быть, Бог как-то разрешит это трагическое противоречие, как-то спасет их и не оставит своей милостью.

ЧЕРЕЗ ПЕНЬ-КОЛОДУ

Так жалко!.. Обронила Вера Семеновна в ванной сережку золотую. Из рук выскользнула — дзень! — и будто провалилась куда-то. Вера, крихтя от боли (колени большие, с двумя палочками из дома выходит!), все облазила, больше часа искала, ничего не нашла.

Загоревалась страшно. Сережки-то непростые — Димушка с первых зарплат деньги насобирав, удивил мамку — до слез! Вера как надела эти сережки, так в них и ходила, не меняла. Привыкла к ним. Глянет в зеркало (хотя на что там смотреть!.. старая, больная пенсионерка; волосы седые, блеклые, глаза выцвели, лицо в морщинах, и с каждым годом их все больше становится — никакие чудо-крема не спасают!), так вот, глянет в зеркало, а сережки то камушком мелким сияют, что в центре золотого цветка вставлен, то дорогим металлом отсвечивают, а то вдруг пригаснут, заскромничают, мол, ничего особенного — неброские сережки, не королевские, на каждый день!..

Вера без них неуютно себя чувствовала. Талисман ее тайный — всегда Димушка при ней, а она — при нем.

И тут — такая досадная пропажа!

Ночью Вера плакала — сначала беззвучно, в подушку, после стала в голос выть, а потом разошлась, распустилась — рыдала и причитала: «Господи, не могу больше!..» Мало того, что глубокий инвалид по коленям (они

сильно ныли в эту ночь, видно, к перемене погоды), так еще и никому ненужная, одинокая. И у Димушки жизнь не удалась. А с кого ему брать пример, если родители непутевые?!. Руки-крюки, вон, даже сережку выронила!.. Раззява!..

Ближе к утру, выплакавшись, Вера затихла. И заснула — крепко. И такое хорошее привиделось — лето зеленое, река искрится, и она вбегает с разбега в воду. Длинноногая, брызги веером, выше головы. «О-го-го!..» И вроде Лена Чуйкина рядом, Зоя, еще девчонки с курса; хохочут, шалют, кричат что-то. А она плывет, так легко, свободно, и столько сил молодых в ней!.. Вера ныряет с наслаждением, вода выталкивает ее на поверхность сверкающей драгоценными блестками реки. «Надо же!.. Ничего не болит!» Правда, откуда-то она знает, что все происходящее — сон, сказка, которая скоро закончится. И Вера все цепляется «за воду», плывет, пытаюсь продлить счастливое чувство.

Вот к чему такой сон?! Только душу рвать. Вера вздыхает, легонько массирует опухшие от ночных рыданий веки, осторожно спускает искривленные, уродливые ноги с постели.

Кое-как доковыляла до ванной. Открыла дверь и ахнула — на табуретке лежала сережка. На самом видном месте. Ну не было ее тут вчера, Вера еще умом не тронулась, она сто раз все обсмотрела в ванной, тем более табуретку.

Взяла сережку, стала рассматривать. Да, она. Прижала к груди и замерла — счастливая!.. Волнуясь — пальцы дрожали — вдела в ухо. И так к зеркалу повернется, и эдак. Это Ангел-хранитель приходил, и — помог! Больше-то некому! «Спасибо, миленький, спасибо, родненький!» Значит, есть он, другой мир! Только люди не признают его, своим умом живут. А умишко-то воробьиный!..

К вечеру приехал Димушка, привез ей огородного добра — на закрутку. Помидоры, морковка (дебелая в этом году уродилась!), перец болгарский, лук, «синенькие»; привез и банок семисотграммовых четыре упаковки, крышек «Хозяюшка», уксуса бутылку, масла подсолнечного канистру трехлитровую, сахара килограммов двадцать — в мешке. Еще привез пять сеток картошки — это Вере на зиму. Картошку она любит, но уже три года ничего у себя не сажает — из-за больших ног. Только астры у крылечка растут да оранжевые гвоздики у калитки.

Участок у нее маленький, а домишко почти игрушечный — на большее денег не хватило. Раньше Вера сильного переживала из-за минимализма, а сейчас думает: «Хорошо! Ничего лишнего». И ремонт дешевле ей обошелся, и коммунальные подъемные. Димушка все сделал — окна пластиковые вставил, сайдингом обшил, внутри обои новые поклеил. Сын на работу смекалистый, руки золотые, таких мужиков мало нынче.

«Чужое дите кормит... Ишачит на эту старую кобылу», — горюет Вера, глядя, как Димушка ест. Как знала, все его любимое приготовила: борщ со свеклой, «ежики» из риса, кисель и даже «орешки» со сгущенкой испекла.

Димушка ложкой работает, плетенку с хлебом к себе поближе подвинул, а Вера Семеновна внимательно посматривает на него, все примечает: и новую седину в черных кудрях, и потертый ворот голубой рубашки, которую она ему когда-то подарила, и темные круги под усталыми глазами.

— Как Раиса поживает?

— Нормально.

«Заманила такого мужика видного! И даже ребенка ему не родила!..» — Вера внутренне кипит. Не примирилась она с невесткой. То, что Димушка взял ее с дочкой — ладно, всякое в жизни бывает. Но то, что она сильно старше его и, обманывая свекровь, вовлекла в ложь Димушку, навсегда отвратило Веру от невестки. Они вежливы друг с другом, общаются без скандала, но ни тепла, ни понимания нет. Раиса в домик Веры Сергеевны — ни ногой. Пирожка никогда не передаст! Да что там, привета от нее не дождешься!.. А с днем рождения поздравляет — так сквозь зубы цедит, будто робот металлический.

«Небось ждет не дождется, когда я схожну. Навесила на сына свой грех, неизвестно от кого нагулянный, вот и горбатится Димушка столько лет на чужую кровь. Сначала в школе Крестину учил, теперь университет впрягся оплачивать. А деньги ему с неба не падают, он не олигарх какой».

— Вкусно, мам, — Димушка довольно улыбается. — Спасибо, на три дня наелся! Я закурю?

Димушка работает дальнобойщиком. Этакую махину вести — и ночью, и в дождь, и по снег, и по графику, и по срочному вызову. И питается кое-как, и отдыхает урывками. Рейсы и по десять дней бывают. Разве это жизнь?.. А главное — зачем эти лишения?!

А Раиса уже никого не родит Димушке — стара. А может, когда выходила за него, и не собиралась. Видит, Димушка добрый, безотказный, а она толк в мужиках знала, приемы освоила, как им голову дурить. Опыт-то каков: на семь лет старше!.. Раиса-искусница.

У Веры все клокотало, когда она видела, как эта гетера с Димушкой обрацается — будто с бычком-несмышленишем. То прутиком, то кнутиком — взнудала и повела. Э-э-х!..

— Как там... — Вера замялась, подбирая слово, — отец?

Димушка счастливо просиял:

— Нормально! Привет тебе передает!

«Очень трогательно!» — внутренне фыркнула Вера. И спросила:

— Все пьет?

— Бросил.

— Закодировался?! — с некоторым даже торжеством выговорила Вера Семеновна.

— Нет, — разъяснила Димушка. — Бросил сознательно. Кровь в наркологии почистил, витамины проколол. Перешел в полную трезвость.

— Ну-ну, — Вера хмыкнула. — Хорошо хоть не в ИГИЛ. Посмотрим, чем это закончится.

Своего «бывшего» она сто лет не видела!.. А овощи и картошка — от него. Живет в деревне, держит хозяйство, и Димушке продуктами помогает. Раиса абсолютно безрукая (а может, придуряется?), так что все сырье перерабатывает Вера. По двести банок закатывает за сезон, когда и больше. Димушка потом закрукты и «бывшему» отвозит — они с отцом всегда отлично ладили, можно сказать, с роддома.

На следующий день вдруг позвонила Паша Ложкина и без предисловий:

— Вера, можно я у тебя переночую? Меня к кардиологу в вашу больницу направили, а талон на самое утро дали.

— Конечно, приезжай! И не вздумай никаких гостинцев покупать, не

тратить деньги, мне Димушка навез всего, тут можно человек двадцать прокормить!

У Веры всегда чисто, она с детства опрятность любила — так мамой было заведено. Но тут, ожидая редкую гостью (с Пашей они вместе в пединституте учились, на заочном), Вера еще больше домик принарядила. Занавески новые, салфетки, скатерть — полный парад.

Пашу она видела четыре года назад, на встрече выпускников. Нынче их пединститут закрыли, на здании с античными колоннами вывеска коммерческого банка — «Возрождение». Из группы у них двое умерли от рака, Галя Возникова — от инсульта, остальные, слава богу, живы. Постарели все, некоторых не узнать, а вот Паша выглядела — высший класс! Это Вера явилась с палочкой, без «третьей ноги» — никуда...

Паша приехала под вечер и, несмотря на предупреждение, с подарками — чай в красивой коробке, конфеты.

— По виду и не скажешь, что болеешь, — не удержалась Вера. — С такой прической — хоть в депутатки! Костюмчик, макияж — выглядишь на пятьдесят лет, не больше.

— Пыл — в глаза!.. — довольно смеялась Паша. — Думаю: увидят такую красоту, пожалеют — может, лекарства лучше выпишут, скажут, рано тебе еще помирать.

...Все у Паши прошло благополучно — и врач был в настроении, и обследование на дорогом аппарате сделали, и прогноз — утешительный, можно «нестабильность» таблетками скорректировать. Испугалась болезнь моложавой пациентки!

Вера уговорила гостью остаться на ночь: «Что ты потащишься в свою тмутаракань по темноте? Отдохни, с утра двинешься».

На радостях Паша оттеснила Веру от плиты и такой шикарный плов с овощами состряпала — пальчики оближешь!.. Ароматы — о-о-о!..

— Паш, а давай выпьем? — вдруг пришло Вере в голову. (Вот никогда она этим не увлекалась, а тут ее разобрало — чужая удача раззадорила.)

— Давай! — Паша вообще гулянки любила, а тут и повод — за встречу и успешную поездку. — А что у тебя есть?

У Веры, как у всякого непьющего человека, было много чего: целый шкафчик с разномастными бутылками. Некоторые лет по пять стояли. Тут и подарки от администрации «ветерану труда», и «гонорар» за решение варианта ЕГЭ малограмотному выпускнику, и на юбилей свой она спиртное покупала, да не все выпили, и по акции в магазине ей что-то в нагрузку навязали, и самогон Димушка привозил, и молодое вино от соседки — «полностью натуральный продукт» — тут же припрятано.

— Тебе можно бар открывать, — ахала Паша, пересматривая бутылки. — Ты что будешь? Крепкое или легкое?

— Лучшее!

Кагор под плов, наверное, не очень правильное сочетание, но у Веры еще был сыр дорогой, яблоки спелые, груши, сливы огромные, орехи грецкие нового урожая. Шикарный стол получился — и сытный, и красивый.

Вечер теплый, долгий, и на душе — покойно-покойно. Пили по глотку из старых хрустальных бокалов, утопая в уютных, обволакивающих креслицах. Вера не захмелела (ну сколько она там выпила? пятьдесят грамм?), а так, чуть поплыла, и такой ей родной Паша показалась!

— Паш, вот мы с тобой старые тетки, жизнь прожили. Скажи, а ты веришь в Ангела-хранителя?

— Верю, — отвечала гостья. — Я вообще человек злой, недобрый, — Паша сделала предупреждающий жест рукой, отменяя возможные возражения, — не спорь, я-то себя знаю! И вот задумаю каверзу, страшную месть, в деталях ее проработаю, внутри у меня шурум-бурум, сердце в горле колотится! А мне будто шепчет кто-то на ухо: «Не делай! Отступи!» Время проходит, и вижу: правильно не ввязалась! Это Ангел-хранитель меня отводит.

— И я верю, — вздохнула хозяйка и рассказала случай про сережку. Паша поудивлялась. Они еще чуть-чуть выпили.

— А знаешь, — раздумчиво сказала Вера, — однажды я решила закончить жизнь самоубийством. Это на втором курсе было, в установочную сессию. Мы дружили с парнем со школы, четыре года. Сначала по-детски, потом по-взрослому. Он все обещал жениться, и я ему верила, как себе. Не береглась. И — забеременела. Говорю ему: у нас ребенок будет! А он: ты что надумала?! Не надо нам его.

Приехали мы на сессию в институт, пошла я в больницу, избавилась от ребенка. Да так неудачно, варварски мне сделали! Врач сказал: сожалею, но детей у тебя никогда не будет.

И захватило меня страшное отчаяние! Любви нет. Будущего нет. Все, что было мне дорого, растоптано. Иду, думаю: брошусь с моста. (Помнишь, недалеко от института старый мостик? С чугунными решетками. Там еще поезда внизу ходили.) Зима серая, без солнца. А на душе — такая ледяная тьма, что мне абсолютно не страшно было умирать. Я только себя тормошила: скорей, скорей!..

Пришла я на мост поздним вечером, когда нет народу. И только хотела исполнить свое намерение, как вдруг, откуда не возьмись, появляется Лена Краснолуцкая. Мы с ней никогда близки не были, даже здоровались через раз. А тут ни с того, ни с сего Лена вдруг начинает мне что-то горячо молотить: про сессию, про то, что Конкин нас всех подставил, про пересдачи, как ей неправильно практику оформили, потому что завидуют, и прочее, прочее.

Она что-то говорит, говорит, а я половину даже понять не могу. А сама думаю: «Откуда она взялась? Точно же никого не было, когда я решила вниз броситься. Она будто из-под земли выросла». Я Лене отвечаю механически, поддакиваю, а она все молотит, в глаза мне заглядывает, о своей мелкой нужде печется. Про какие-то шпаргалки, зачеты «автоматом», про приметы надежные («перед экзаменом никогда голову не надо мыть, доказано!»). И столько в этой мелкоте жизнелюбия, веселой глупости, что я невольно стала входить в ее заботу и постепенно, постепенно выбираться из ледяного погреба, из «подвала», куда меня заточило отчаяние.

И — вышла! И больше никогда к этому черному состоянию не возвращалась. Беды и горя и после много было, но вот этой сладостно-затягивающей воронки смерти — никогда. Как отрезало! Я думаю, Паша, что тогда, на мосту, это мама была моя покойная. Но явиться в своем образе она не могла — я бы испугалась или с ума сошла. Вот она и приняла вид Лены Краснолуцкой!..

Вот так отвел меня Ангел-хранитель от беды. А я уже записку предсмертную написала, в сумочку положила. Вот до какой крайности дошла!..

Вера Семеновна замолчала.

— Что же дальше было? — полюбопытствовала Паша. — Или... Тебе трудно об этом говорить?..

— Нет, почему же. Все ушло, отболело. Я как о посторонней сейчас рассказываю. Парня, которого я любила, звали Петя. Наши дома в деревне напротив стояли, чуть наискосок. Вернулась я домой, пошла в сельмаг — хлеба купить, спичек, еще что-то по хозяйству. И столкнулась с Петей нос к носу возле клуба — он тоже к родителям приехал. Полушубок нараспашку, кубанка заломлена, румянец — во всю щеку. Куда там — первый парень на деревне! И, как ни в чем ни бывало, подмигивает мне: «Ну что, Веруня, в загс? Созрела?» Я вспыхнула вся — от счастья! А он: «Какая ты наивная!.. Я пошутил, глупенькая».

И через две недели вышла я замуж за Володю-тракториста. Тогда это модно было: выходить назло. Помнишь, какая я была симпатичная?! Мама у меня — красавица, от нее все. Лицо — чистое, глазищи огромные. Фигурка у меня, как у статуэтки была, любо-дорого посмотреть. Куда что и подевалось нынче? Вся поморщенная, обезьяна обезьяной стала.

Володе я давно нравилась, он за мной так бережно, благоговейно ухаживал!.. Да что там — любил он меня!.. А я ему жизнь сломала, сделала его несчастным.

Вышла замуж, все чин чином. А вскоре Петя из города приехал. Я была дома, у отца; прибежала к нему то постирать, то приготовить — отец после мамы так и не ужился ни с кем. Тяжелый у него характер. Однолюб! Я в него, наверное. А мама умерла от крупозного воспаления легких, сильно простудилась на ферме.

Отец рядом с мамой был другим человеком — нежным, веселым. А когда любовь теряешь, какая это несправедливость жизни, трагедия. Не каждому этот крест под силу.

Вечером Петя постучал в окно, я вышла. Он лишь глянул на меня, и вся моя гордость рухнула. Я, уже замужняя, пошла с ним гулять в вербы — за огородами у нас росли. Отец по тропинке гнался за мной с ремнем, обзывал всяко. Ну, что делать... Не послушала я отца, опозорила семью.

Шла я с Петей и умом понимала — не нужна я ему! Он забавляется, на мне свою силу пробует — наплюю на закон человеческий я ради него или нет?!

«Ну и пусть, что погибну!.. Зато разочек с ним побуду!»

Конец января, звезды яркие, как волчьи глаза, горят, снег лежалый хрустит.

Годы и годы прошли, а я эту ночь в памяти хранила. Звук его шагов — уверенных, четких. Дыхание его жаркое, желание — сильного, властного человека. Как я могла ему не покориться, если каждый день о нем грезил?! Шарф его колючий, шерстяной — чуть не задохнулась в нем. Шепот его, крик мой сдавленный.

Что-то страшное было в этой ночи, в мрачных силуэтах деревьев, в равнодушной, беспощадной тишине.

Замужем я не удержалась. Не любила я Володю, и даже видимости создать не смогла. Сравнивала его все время, и все мне казалось — «не то»! А может, я себя намеренно заводила, цеплялась за прошлое, на что-то надеясь. Ну, хотя бы еще на одну ночь, такую, как тогда, в вербах.

Володя начал пить, закатывать скандалы. И сын (это было чудо — вдруг, неожиданно, я родила Димушку!) не удержал семью. Муж в сынишке души не чаял, таких нежных отцов — поискать. Димушка на него очень похож внешне — ничего от меня не взял. И к отцу он страшно привязан, с пеленок. Они всегда между собой ладили, я им только мешала.

Ушла я от Володи. Из-за пьянки, а больше из-за того, что не любила его.

Он так и не женился. И я замуж не вышла больше. Теперь думаю: а вдруг он и был моей судьбой? Если бы я была добрей, уважительней, может, и семья бы у нас сложилась. Или — сердцу не прикажешь?..

Стала я жить у отца в доме. Тогда телефоны были редкостью в деревне, и мать Пети приходила к нам звонить ему — он работал на Северах. Я пряталась за занавеской и подслушивала. Все о нем знала! Что на буровой его ценят, зарплата хорошая, жена замечательная, красавица. Экономист-планировщик по профессии. Один за другим у них три сына родились.

Ни разу он про меня не спросил! Хотя мать ему говорила, что от нас звонит.

Потом, наконец, провели им телефон, и тетя Даша перестала к нам ходить. А я жила этими разговорами — раз в неделю они созванивались. Жизнью Пети жила, не своей. Детей его по именам знала, все их болячки, когда у них зубы первые полезли, кто во сколько месяцев ходить начал, какие прививки сделали...

Вот зачем это мне?! Я уже догадывалась: это болезнь, мания. Дурость, проще говоря.

Наконец, я уехала из деревни. Устроилась в школу, Димушка — при мне. За всю жизнь накопила денег на этот домик. Отец мне помогал. Вот так и жила...

Вера выговорила и замолчала.

Молчала и Паша. Потом сказала:

— Ну, чего ты так... Душу себе рвешь. Надо жить настоящим, каждому дуно радоваться! Вот мы сидим, общаемся, это же счастье!

— Ты, Паша, меня утешаешь и правильно делаешь. А мне, когда я одна остаюсь, страшно! Как прошла моя жизнь? Через пень-колоду!

Но в Бога я верю, и в Ангела-хранителя — тоже. У меня болезнь колен, что я только не делала, где ни лечилась — ничего не помогает! Осталась только операция, и то без гарантии, что лучше станет. Вот я и ползаю по миру с двумя палками.

Единственное облегчение — когда на коленях стою. Молюсь, жизнь свою вспоминаю. Все у меня было: красота, молодость, училась я хорошо! Ангел-хранитель меня берег. А вот не хватило мне чего-то, чтобы жизнь правильно построить. Если бы снова начать... О-о-о!.. Не во мне дело, не для личного счастья хотела бы я ошибки поправить! Хотя счастья — ой, как хочется! Другие вон внуков нянчат, а у меня, кроме кота, никого нет.

У Димушка жизнь не сложилась — своих деток Господь не дал. Да-а...

В старости разве деньги нужны? Нет! Хочется быть красивым примером. Радости хочется! Легкой походки! Доброты! А жестокость еще никого лучше не сделала...

Больше недели Вера Семеновна закрутками занималась, но как-то механически в этот раз, без вдохновения — о другом думала. Проводила Пашу и решила: надо непременно к родителям на могилки съездить, посмотреть на свой дом, и к Володе зайти. Поглядеть на него.

Вера все прикидывала, как свое желание Димушке объяснить, какой предлог сочинить, чтобы он ее отвез. На могилках она редко бывала, на

Пасху, и то не каждый год — сын за ними ухаживал. А тут вроде и причины нет, а она собралась.

Но все разрешилось просто — Димушку хозяин отправил в дальний рейс, и пришлось Вере добираться самостоятельно. До автостанции такси вызвала, а до деревни маршрутку пустили. Остановка как раз возле церкви, и кладбище рядом. А уж получится ли на свой дом поглядеть и на Володю — это как выйдет.

Родина... Затрепетало у Веры сердце. Маршрутка полупустая, и она вольготно расположилась, прикинула к окошку. Давно у нее не было одиноких путешествий. Вроде бы рядовое дело — из райцентра сорок пять километров пути, а сколько воспоминаний, чувств ее захватило!.. И дорога такая ладная. Убранные поля с золотыми катушками соломы, овраги, поросшие кудрявым, цепким кустарником. Ленты обмелевших рек с камышами по берегам, выгоревшие пригорки и синий, далекий горизонт.

День как по заказу выдался: солнечно-ласковый. Дорога свободная — редко-редко машина навстречу. А в их сторону — вообще никого.

Недолго она на кладбище побыла — не любительница она таких мест, и к дому своему кое-как доковыляла. Грустное зрелище: никто в нем не живет, заколоченный стоит, согнулся, как старик. Наличники резные отец делал, ни у кого в деревне таких не было. Надо бы забрать, а куда?..

«Люди поумирали, чего ж о досках жалеть!» — вздохнула Вера.

Там, где жил Петя, прогалина, заросшая бурьяном. Хозяева давно уехали, усадьбу на дрова продали.

Улица низенькая, неширокая, половина домов — нежилых. А когда-то была самой бойкой в деревне, председатель колхоза тут построился, потом завфермой, асфальт здесь раньше всех положили.

Стояла Вера посреди улицы, смотрела на уцелевшие усадьбы, думала: когда-то за каждым воротами кипела жизнь, была своя семья, своя история. Кто-то справней жил, кто-то бедней, у кого-то больше счастья, а у кого-то — скорбей и неудач. А теперь — как после моровой язвы. Все вроде есть — и дорога асфальтированная, и газ провели, только люди пропали... Пенсионеры одни доживают.

Вера, переваливаясь с ноги на ногу, опираясь на палки, побрела в гору — к церкви, на остановку. Храм несколько лет назад отремонтировал олигарх областной, но не помогло ему это — сын от наркотиков умер, бизнес разорили конкуренты, а сам богат с ума сошел. Во как бывает!.. Страсть Божья!.. Вера знала, что открывают церковь редко, священник приезжал из района только на большие праздники.

Погруженная в думы, она вздрогнула от краткого бибиканья. Обернулась — прямо за спиной мягко катила дорогая машина. Парень молодой высунулся:

— Бабушка, вам далеко? Давайте подвезем!

Бабушка!.. Это звание еще заслужить нужно! Не бабушка она, обыкновенная старушка.

Девушка на переднем сидении — Вера зорко взглянула на нее — добрая, улыбчивая. И не сильно накрашенная.

— Ребята, — сказала она с чувством. — Дай Бог вам счастья!.. На всю жизнь!.. А надумаете жениться — деток здоровых побольше. Не иначе Господь вас мне послал. Подвезите, пожалуйста, сама никогда не дойду. Далековато отсюда, километра два будет, за школой, направо.

Вмиг они ее домчали, как на крыльях.

И вот она стоит у ворот. Придирчиво смотрит, по-хозяйски. Не ши-

кует Володя, денег особых нету, но и в нищету не впал — штакетник в палисаднике по струнке, дом оббит — цвет как у нее. Значит, Димушка делал! А ей ничего не сказал, утаил.

Нажала на щеколду, толкнула калитку. Первое, что в глаза бросилось, и она уже не могла взгляда отвести — бельевые веревки, на которых стираные вещи аккуратно развешаны. И постельное, и рубашки, и носки с трусами, футболки разноцветные, штаны, еще какое-то тряпье.

«Взял кого-то!.. Бабу принял», — и сердце ее обожгло такой горькой обидой, что она чуть не заплакала.

Из-за дома вышел Володя — в клетчатой рубахе с длинными рукавами, камуфляжных штанах, с ведром спелых помидоров. Постарел — кудри белые-белые, высох весь, как стручок, одни жилы.

— Здравствуйте.

Он сказал ей «вы», как чужой, и поставил ведро у ног.

— Здравствуй.

Они помолчали.

«Дура! — корила себя Вера. — Приперлась сюда, калека, а как назад?!»

«Явилась все-таки».

Как просто он на нее смотрел! По-житейски. Будто они вчера расстались.

Вера так ослабела, что не могла с места двинуться. Строго кивнула на веревки:

— Стирает тебе кто?

— Машинка.

— Димушка ничего не говорил!

— Да я только вчера подключил.

— Ясно.

«Упаду сейчас».

Вера, закусив губы от боли, схватилась за перильце.

Володя, кинулся, поддержал ее. Тяжело опираясь на его руку, она медленно стала подниматься на высокие ступеньки. Было стыдно своей немощи.

— Учти, я к тебе насовсем приехала, — неловко пошутила Вера.

— Угу, разберемся, — буркнул Володя.

И непонятно было — всерьез он говорил, или просто так — для поддержания разговора.

